

кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной
литературы Винницкого
государственного педагогического
университета

БОРИС МИЛЬШТЕЙН. НОВОЕ ИМЯ В РУССКОМ СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Борис Мильштейн в литературе не новичок. Но до 2004 года он выступал в периодических изданиях. Печатался в "Литературной газете", "Московском комсомольце", "Аргументах и фактах", в сборнике "Век XXI", "Мы с тобой, Израиль" (Бостон, США), в альманахах "Эдита", "Весёлый Рейн", "Еврейский дневник", "Брандербургская мозаика", "Контур", "Светотень", "Творчество", "Третий этаж", в журналах "Партнер", "Лехаим", "Алеф" (Москва) и других периодических изданиях.

Это были публицистические статьи, очерки, эссе, небольшие рассказы, подборки афоризмов и другие "малые жанры". И только в 2004 году в Потсдаме (Германия) выходит его первая книга – "Граффити". В 2009 году в издательстве ПП "Эдельвейс и К⁰" (Винница, Украина) выходят объемные книги "Коктейль" (23 п.л.), "Некошерные мысли" (22 п.л.) и вторым изданием книга "Граффити". Этими сборниками он заявил о себе как большой писатель современного русского зарубежья.

Книги "Граффити", "Коктейль" и "Некошерные мысли" являются предметом рассмотрения в данной статье. Фактически это первая (не считая несколько отзывов в периодике и вступительной статьи в книге "Граффити" Фофана Долбанецкого) аналитическая статья о творчестве Б.Мильштейна.

Кто же такой Борис Мильштейн? Откуда и как он появился в Потсдаме? Родился в Забайкалье, но вырос в небольшом городке Гнивани под Винницей (Украина), потом инженер-москвич, он в 1996 году эмигрировал в Потсдам (Германия). Почему он оказался в Германии, он рассказывает в своих произведениях на страницах книги "Коктейль".

Жанр литературного *граффити* заимствован из "заборной живописи". Термин происходит от итальянского: буквально – "нацарапанный". В древности и в средние века это были посвященные, магические, бытовые надписи, нацарапанные на стенах зданий, заборов, сосудов. Сегодня разрисовывают заборы, стены зданий разными яркими красками – это тоже граффити. Этот термин перекочевал в словесное творчество. Выходят книги этого жанра. Такова книга "Граффити" Бориса Мильштейна. У него граффити – это краткое, ёмкое по смыслу суждение, порой ироническое, многозначительное, с глубоким подтекстом (например: *"Всю жизнь плевал душа в душу"* [3, с.22]; *"Как гроб не украшай, уютней он не станет"* [3, с.62]; *"Краткость – это уже талант"* [3, с.69]). Настенные надписи в "изящной литературе" имеют весьма низкий статус. Авторы граффити величали "туалетными писателями". Автор краткого предисловия к книге "Граффити" Б.Мильштейна Фофан Долбанецкий (Иосиф Малкиэль) пишет: "Нужно заметить, что "туалетный писак" – это весьма популярный фольклорный персонаж, дальний "родственник" "кабацкого поэта", пишущего свои стихи мелом в простенках кабака". И далее: "Роль этих "каракулей", испещряющих стены домов, подъездов и заборов, трудно переоценить, поскольку типологически они относятся к числу культурных метатекстов, упорядочивающих жизнь современного города, организующих общественные системы" [1, с.3].

В книге "Граффити" 120 страниц, иначе говоря – свыше тысячи семисот "изречений", расположенных по рубрикам: "Морализмы"; "О жизни"; "О красоте и искусстве"; "Там, где был СССР" и др. Всего 29 рубрик. Для примера. Рубрика "Морализмы": "*Свобода становится осязаемой, когда её теряешь*" [3, с.20]. Рубрика "О вечном": "*Судьба человека – это тень. А от тени можно уйти только во мрак*" [3, с.20]; "*Есть рай, есть ад. А жизнь на земле – золотая середина?*" [3, с.29]. Рубрика "О любви и счастье": "*Есть жена – муза, а есть жена пути. Есть муж – пегас, а есть муж рогоносец*" [3, с.63]; "*Кредо голубых: "Возлюби ближнего своего!"*" [3, с.64]. И так далее...

Сегодня Б.Мильштейн, как уже говорилось, эмигрант из СССР. Живёт в Потсдаме, на родине Холокоста. Однако отцовскими корнями он связан с Винниччиной. Я, автор этой статьи, училась в одной школе в Гнивани вместе с Борисом Мильштейном. Теперь довелось стать составителем очередной его книги – "Коктейль".

Родился и жил Борис Мильштейн в скромной еврейской семье. Мать его, которую я хорошо знала, работала в специализированной Гниванской школе воспитательницей, где учились дети с ограниченными возможностями. Борис мечтал стать лётчиком. Но пятая графа в анкете лишила его этой возможности. Евреям не всегда комфортно жилось в СССР. Он прошёл большую жизненную дорогу. С юности возненавидел антисемитизм и антисемитов. Это в конце концов стало причиной его эмиграции в Германию.

Его книги вызывают большой интерес, будят мысль, вызывают восхищение глубоким содержанием и разнообразием жанровых форм.

В книге "Коктейль" несколько разделов, обозначение которых определяется характером жанра. В первом разделе – "Новеллы, эссе, случаи из жизни, публицистика, кое-что ироническое" – жанры традиционные. Другие жанры – *размышлизмы, философизмы, описания* – явно иронические построения, с определённым подтекстом. Не размышления, а размышлизмы, не философское размышление о тех или иных деяниях, взглядах, а философия с суффиксом "изм" – "философизмы". Это открытая авторская ирония, за которой и трезвые размышления и философское осмысление того или иного явления. А в целом это умная, злободневная публицистика.

О чём "размышлизмы?". О всевозможных нелепостях, о тупоумии отдельных начальственных "особей", о глупости и тупом тщеславии. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать хотя бы "Борца", "Живого классика", "Заблуждения" и другие. Показательна миниатюра "Живой классик (Из дневника современного классика)":

"Читал себя. Недурно..."

Читал себя. Надо же такое придумать...

Читал себя. Неужели это я написал???

Ха-ха-ха.

Ну разыграли меня домочадцы. В мою суперобложку подсунули какого-то графа Толстого. Доселе не читал. Недурно" [4, с.67].

Какой разительный сарказм! Меткий удар по бездарии, графомании, чванству. Столь же метко и остроумно бьёт автор по разным дельцам, например, в зарисовке "Заблуждение".

Все эти "размышлизмы" – чаще всего миниатюры (какой-то случай и размышление над ним), иногда шуточный случай, нередко трезвые размышления над мировыми вопросами ("Форпост") или нравоведения ("Цель").

Такой же подтекст (глубокие размышления над человеческим бытием) носят "философизмы". В общей сложности это неприкрытая публицистика. Здесь нет изодренной поэтики, "красного изящества". Над всем господствует мысль.

Вот некоторые примеры "философизмов". "*Как легко расположить к себе людей. Сказать доброе слово, совершить достойный поступок, проявить сострадание. И как тяжело это осуществляется!*". "*Любая религия прекрасна, но при одном условии: если она не проповедует нетерпимости и насилия к инакомыслящим*" [4, с.294-295]. Кто же будет

против этого возражать? Дело за небольшим – придерживаться бы этих таких правильных понятий в общежитии людей, народов, государств.

Раздумья над глобальными человеческими деяниями приводят автора к неопровержимым умозаключениям: *"Был ледниковый период, всемирный потоп, сейчас парниковый эффект. Это все звенья одной цепи. Протест матушки-природы против человеческого безумия. Наша Земля – это живой организм, и она не будет долго терпеть нашего издевательства над собой"* [4, с.301]. Хотя и не ново, но актуально. Нельзя не согласиться с выбором "героев" в очерках, эссе Бориса Мильштейна, у которых руки в крови до локтей, а которые стоят в этой крови по пояс: *"За одного убитого человека полагается смертная казнь. За миллионы убиенных воздают всеобщую любовь и поклонение"* [4, с.304]. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить колонны с портретами Сталина, Ленина. Сегодня возрождается на востоке культ Чингисхана, в Европе – культ Наполеона. Осталось ввести в ранг мировых героев Тамерлана, который сооружал пирамиды из голов убитых им людей.

Конечно, эти утверждения не новы и не оригинальны. Но они вписываются в общий контекст мыслей, представлений Бориса Мильштейна. И напомнить их людям ещё раз не лишне.

Автора "Коктейля" мучают многие вопросы на которые он хотел бы найти правдивый ответ. Вот, например, зарисовка "Подполковник Клюквин" (все имена у Б.Мильштейна подлинные). Автор передаёт рассказ советского инструктора в сирийской армии о войне против Израиля в 1973 году. Подполковник Клюквин рассказывает, как лично он, советский инструктор в сирийской армии, бил по израильским танкам. И автор ставит, как говорится, вопрос ребром: *"А теперь подскажите мне, в каких источниках можно найти информацию о военном противостоянии и ведении боевых действий между государствами СССР и Израиль?"* [4, с.86]. Таких вопросов в книге много. Это и есть действенная публицистика.

Замечательно эссе "Художник и поэтесса". Об Анне Ахматовой и памятнике ей в Москве на улице Большая Ордынка. В нём не только большая любовь автора к русской поэтессе но и огромная боль и презрение к современным вандалам, осквернившим её памятник. Особенно резко они звучат в послесловии, появившемся уже после того, как это эссе было написано: *"Нет покоя её душе даже после смерти. Внуки тех, кто расстрелял её мужа, кто гноил её сына в сталинских застенках, не могут угомониться и продолжают то гнусное дело, которое начали их деды! Продолжают с изысканной подлостью"* [4, с. 99].

В книге есть ещё один интригующий новожанр – "опус". Термин откровенно иронический. Обычно он бытует в обозначении музыкального сочинения. Употребляется также как уничижительное определение малохудожественного произведения или иронического самоопределения автора ("Послушай мой опус", "Он сочинил какой-то опус"). Автор "Коктейля" примешал к "сборному напитку" шесть "опусов". Но уже литературных. При беспристрастной оценке это действительно "опусы" – всего лишь игра слов, жонглирование незамысловатыми рифмами. В обиходе такие "сочинения" называются "хохмами". Например, *"Бокал вина – пьём до дна" // Литр водки пьём до икотки" // "У Марты – карты, у Матрёны – купоны" // "У Машики – бумажки"* и.т.д. [4, с.284]. Эти "опусы" скорее нужны автору, а не читателю. Так сказать, тренировка ума. Но они придают книге (как составляющая коктейля) определённый шарм, оригинальность.

"Философизмы" – это "неприкрытая публицистика, пронизанная состраданием к вечно гонимым евреям, резкие выпады против антисемитов и антисемитизма как социального зла. "Философизмы" в книге занимают целый раздел (более 3 печ. листов). Анализировать их – это значит копаться в мыслях и душе автора. Здесь он излил свои чувства, раскрыл взгляд на массу проблем, по-своему (порой сугубо субъективистски) осмыслил взаимоотношения между отдельными людьми, народами: *"Сталин породил иезуитский антисемитизм"* [4, с.298]. Какая же это философия? Констатация факта. Или: *"Сталин превзошёл всех мировых идеологов. Коммунистическую идеологию, у истоков*

которой стояло много евреев, он превратил в постулат антисемитизма" [4, с.299]. "Философизмы" Б.Мильштейна надо не анализировать, а читать. Принимать или отвергать. В зависимости от собственного умонастроения и понимания сути происходящего.

В целом книгу "Коктейль" можно оценить как публицистическое выступление, очень современное и бескомпромиссное. Авторское кредо концентрируется в самом вступительном десятистишии "Должно быть":

Добро должно быть с кулаками.

Сермяжная правда – с матюгами.

Мысль по древу – с подтекстом.

Поиск вчерашнего – с неизвестным...

Работа не пыльная – с ленью.

Солнце на небе – с тенью.

Любовь двуногих – с жаром.

Русская баня – с паром.

Порывистый ветер – с грозой.

Заход солнца – с мечтою [4, с.4].

Это авторское кредо воплощается во всём содержании книги. Даже в миниатюрах, в их подтекстах. Все разделы книги пронизаны личным, пережитым, продуманным, и не только в автобиографических сочинениях. В биографическом пассаже "Почему вы сюда приехали?" – вскрытие главной причины, побудившей Бориса Мильштейна эмигрировать в Германию. "Обаятельная молодая журналистка" спросила у него, еврея, о причине приезда на постоянное место жительства, и он ответил: "Из-за антисемитизма". Тема антисемитизма, как уже говорилось, проходит красной нитью через обе книги – "Коктейль" и "Некошерные мысли".

Была ли такая проблема? Нельзя её отрицать в бывшем СССР. Да и в современной Украине. О том, как антисемитизм больно ранил душу автора книг, повествуется в эссе "Жид". Для евреев, испытавших гонения, погромы и особенно Холокост, пренебрежительная кличка "жид" *"приняла для евреев до глубины души оскорбительный оттенок"* [4, с.118]. И вот он, мальчишка, знающий смысл этой клички, потому что *"не однажды пришлось испытать на своей ещё такой нежной коже его уничижительное значение"* [4, с.117], взял в библиотеке томик произведений Т.Г.Шевченко, открыл поэму "Гайдамаки", где это слово повторяется много раз, и увидел многократно и тщательно подчёркнутое это слово, явно с целью оскорбить евреев. От этой гнусности его передёрнуло. И он, автор сегодняшних замечательных книг, в современном эссе (носил боль в сердце около полувека) пишет: *"...Потомок украинского поэта, хотя по созвучию и по действию его подлой души правильнее было бы сказать: "подонок", скрупулёзно выискал в творческом наследии поэта и сознательно выделил это оскорбительное слово, чтобы безнаказанно надругаться и унижить евреев"* [4, с. 118].

Очень привлекательны в книге эссе, зарисовки, в которых автор пишет о самых близких ему людях – матери, отце. Они пронизаны глубоким лирическим чувством сыновней любви ("Часы", "Мама", "Аидише – маме" и другие). Как правило, строятся они на каком-то конкретном факте. На первый взгляд, это всего лишь "случай из жизни". О том, например, как папа выбирал сыну первые в его жизни часы ("Часы"), как мальчик Боря с сестрёнками ходили в больницу к больной матери ("Мама") или о подвиге "матери ради детей" ("Аидише – маме"). Казалось бы, ничего особенно важного не происходит, но в каждой зарисовке слышится гамма сыновних чувств, перелив душевных настроений. Ну, побывали дети в больнице у матери, приласкала она их – и промозглая, холодная погода (так она ими воспринималась по пути в больницу) становится более ласковой, светлой, тёплой.

Особенно впечатляет зарисовка "Аидише – маме". При её чтении навертываются слёзы. Это о поступке матери, которая вынуждена зарезать курицу, что по традиции и верованию непозволительно для женщины-еврейки. Зарезать курицу в еврейской общине

может только "специально обученный" и предназначенный для этого мужчина. А как быть, если дети болеют и их можно поддержать куриным бульончиком? Купила на последние копейки мать на базаре курицу, обратилась к одному, другому, третьему еврею-мужчине, но ни один не взялся (не посвящён!) этого сделать. И мать во имя спасения детей решается на неслыханное деяние. *"Впервые на своём веку – пишет о её душевном подвиге сын, - лишила живое существо жизни. Этим и продлила её нам, своим детям. Я думаю, Бог её за это простил"* [4, с.216]. Этот подвиг любящей матери не менее значителен, чем другие, даже самые громкие. Все измеряется порывом души и сердца.

Мы не анализируем всю книгу "Коктейль" – для этого потребовалось бы написать целый трактат. Поэтому касаемся произведений выборочно. Но нельзя не остановиться на последнем её разделе: "Некоторые рассуждения о скорбном пути моего народа".

По содержанию и по форме этот раздел – научно-публицистический трактат, возникший в результате научных изысканий автора, который привлекает массу разнообразных источников, обнаруживает умение обобщать и делать убедительные выводы. Опираясь на многочисленные факты, автор трактата "вырисовывает" скорбный путь своего многогонимого народа и отмечает привнесённые антисемитами толкования о евреях. Трактат "Геном ненависти" – это апофеоз защиты автором своего народа.

Очень верно и хорошо сказала об авторском мироощущении в книге "Коктейль" внешний рецензент для издательства ПП "Эдельвейс К⁰" кандидат филологических наук Винницкого государственного университета Любовь Николаевна Денисик: "Известно, что не бывает эмигрантской литературы без мотива ностальгической памяти об утраченной родине. Здесь ностальгия разлита тонким ароматом по всему сборнику. Прежде всего она проявляется в языке – русском языке, которым так умело пользуется автор, ему ведь хочется говорить и писать по-русски, играть словами и значениями, значениями и оттенками значений, хотя немецкий он знает, поди, уже не хуже, чем русский. Ностальгия – в желании быть понятным не французом или немцем, а именно русским человеком, в желании общаться с бывшими соотечественниками на уровне самого сокровенного – своего творчества. И смею высказать уверенность, общение это обоюдоинтересное и сопровождается чувством обоюдной благодарности. Со стороны автора – за понимание, со стороны читателя – за удовольствие от чтения хорошо написанной книги [2].

Точен в оценке книги "Коктейль" профессор Винницкого государственного университета И.В.Рыбинцев, небольшой вступительной статьёй которого она открывается. "Книга Б.Мильштейна "Коктейль" оригинальная – действительно многожанровый коктейль. Автор владеет представленными на её страницах жанрами – от новеллы, эссе и миниатюры до самых разнообразных форм сугубо специфических – философизмы, размышлизмы и т.п. В целом композиция сборника удачная, каждый раздел его говорит о гибком художественном мышлении автора. Книга умная, занимательная, прочувствованная, личностная" [6, с.2].

Книга "Некошерные мысли" в отличие от сборника "Коктейль" – одножанровая. Представляет она собой свод *фраз, одностиший, афоризмов*.

Когда-то в газетах часто давали подборки под рубрикой "фразы" - краткие изречения с определённым подтекстом, часто остроумные, иронические, глубокомысленные. В книге же Бориса Мильштейна таких фраз около семи тысяч - целый том, на 22 печатных листа. Явление, безусловно, феноменальное, неповторимое и, скорее всего, единственное в своём роде.

Только глубокий ум, беспримерная эрудиция, безудержная фантазия, ассоциативное мышление способны возвести такое словесное сооружение.

"Фразы" разбиты на тематические разделы: "Морализмы", "Аллитерации", "Об Израиле и евреях", "О вине и пьянстве", "О зависти ненависти", "О разуме и глупости" и т.п. Юмор, ирония, размышления о нравственном и безнравственном, шутка и едкий сарказм прямо таки бушуют на страницах книги. Автор с размахом и крепким приложением бьёт по антисемитам всех мастей, в том числе и по соплеменникам-антисемитам.

В книгу "Некошерные мысли" включены "фразы", смысл которых не приходится осваивать с трудом, они естественны, доходчивы, беспроняжны: "Пламенный борец за новое зло" [5, с.13]; "Особый склад ума – это когда он в складчину" [5, с.11]; "Чем дальше на запад, тем ближе восток" [5, с.14], об агрессивных дельцах: "Даже агрессивно настроенная улитка может догнать и забодать" [5, с.8].

По-прежнему неугомонно звучит мысль – раздумье о евреях, еврействе, антисемитизме, об Израиле. Самая больная тема Бориса Мильштейна, выступающего самоназначенным адвокатом своего народа. Он выделяет в книге тематический раздел: "Об Израиле и евреях", в котором можно прочесть: "Евреи – это династия эмигрантов"; "Цыплят по осени считают, евреев пересчитывают после очередного Холокоста"; "Евреев, оказывается, можно ненавидеть. Это не считается дурным тоном"; "Предавшим иудаизм. Родился евреем, а умер плебеем" [5, с.102-106].

Не будем сейчас утверждать, что суждения Б.Мильштейна безупречны. Но он так думает, и это его право, его совесть, его боль, его убеждения.

Несомненно главное. Он блестяще овладел труднейшим "малым жанром". Несколькими словами, одной фразой умеет сказать многое. Это как раз то, что называется "писать кратко, но мыслить широко". Или, как говорил А.П.Чехов: "Умею говорить кратко о длинных вещах". Лучшего демонстратора этих тезисов, чем Борис Мильштейн, назвать трудно.

Литература:

1. Денисик Л.М. Об эмигрантской прозе Бориса Мильштейна: Внешняя рецензия на рукопись книги "Коктейль" для издательства: Винница, ПП "Эдельвейс и К⁰", 2009. – С.366.
2. Долбанецкий Фофан. Над пропастью не ржи // Мильштейн Борис. Граффити. – Потсдам: Штази и К⁰, – 2004. – 124 с.
3. Мильштейн Борис. Граффити. – Потсдам: Штази и К⁰, 2004. – 124 с.
4. Мильштейн Борис. Коктейль. – Винница: ПП "Эдельвейс и К⁰", 2009. – 366 с.
5. Мильштейн Борис. Некошерные мысли. – Винница, ПП "Эдельвейс и К⁰", 2009. – 349с.
6. Рыбинцев И.В. Мильштейн Борис. Коктейль: Вступительная статья // Мильштейн Борис. Коктейль. – Винница: ПП "Эдельвейс и К⁰", 2009. – 366 с.

Анотація

Р. РИБИНЦЕВА. Б.МІЛЬШТЕЙН. НОВЕ ІМ'Я В РОСІЙСЬКОМУ СУЧАСНОМУ ЛІТЕРАТУРНОМУ ЗАРУБІЖЖІ

Стаття репрезентує нове письменницьке ім'я в російській зарубіжній художній прозі письменника-емігранта з СРСР Бориса Мільштейна. Автор статті аналізує жанрову своєрідність його книг "Графіті" (Потсдам: Штазі і К⁰, 2004), "Коктейль" (Вінниця: Едельвейс і К⁰, 2009), "Некошерні думки" (Вінниця: Едельвейс і К⁰, 2009). Основну увагу приділено барвистій палітрі його збірок, актуальності змісту та художній майстерності.

Ключові слова: антисеміт, антисемітизм, філософіми, графіті, опус, одновірш, афоризм.

Аннотация

Р. РЫБИНЦЕВА Б.МИЛЬШТЕЙН. НОВОЕ ИМЯ В РУССКОМ СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Статья представляет новое писательское имя в русской зарубежной художественной прозе писателя-эмигранта из СССР Бориса Мильштейна. Автор статьи анализирует жанровое своеобразие его книг "Граффити" (Потсдам: Штази и К⁰, 2004), "Коктейль" (Винница: Эдельвейс и К⁰, 2009), "Некошерные мысли" (Винница: Эдельвейс и К⁰, 2009). Основное

внимание уделяется многоцветной палитре его сборников, актуальности содержания и художественному мастерству.

Ключевые слова: антисемит, антисемитизм, философизмы, граффити, опус, одностишие, афоризм.

Summary

R. RYBINTSEVA. B. MIL'SHTEYN. THE NEW NAME IN RUSSIAN MODERN LITERATURE ABROAD

The article presents a new writer's name in Russian foreign fiction Boris Mil'shteyn, an emigrant writer from the USSR. The author of the article analyses the genre originality of his books "Graffiti" (Potsdam: Stazi and K⁰, 2004), "Cocktail" (Vinnitsa: Edelweiss and K⁰, 2009), "Unkosher ideas" (Vinnitsa: Edelweiss and K⁰, 2009). Basic attention is paid to the multicoloured palette of his collections, actuality of contents and artistic skill.

Keywords: anti-semite, anti-semitism, philosophisms, graffiti, opus, aphorism.